
Максим Воронов
Дневник чумного доктора. Воздаяние
18+

Дневник чумного доктора

Максим Воронов

Дневник чумного доктора. Воздаяние

«Автор»
2026

Воронов М.

Дневник чумного доктора. Воздаяние / М. Воронов — «Автор», 2026 — (Дневник чумного доктора)

Чума отступила, но мир так и не обрёл покоя. Три года Марион, Лео и Анна лечат страждущих в «Доме Исцеления», неся людям надежду, завещанную им Элиасом. Но их слава — как кость в горле у Церкви. Слишком влиятельные, слишком любимые народом, они стали опасны. И тогда на сцену выходит молодой священник с ангельской улыбкой и дьявольским планом.В это же время в деревню приходит охотник на ведьм Рейнхард. Он идёт по кровавому следу настоящей твари, что убивает мужчин ради тёмных ритуалов. Но его чутьё ведёт его туда, где ложь и правда переплелись в тугой узел. Он ещё не знает, что его единственными союзниками станут те, кого он поклялся уничтожать.Пока Рейнхард и Марион охотятся на истинное зло, Церковь плетёт сети. Народ, вчерашние исцелённые, готовы отречься от своих спасителей. И когда на городской площади вспыхнет костёр, станет ясно: знание не всегда спасает. Иногда оно лишь делает тебя мишенью.

© Воронов М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 5
Конец ознакомительного фрагмента. 9

Максим Воронов
Дневник чумного доктора. Воздаяние

Пролог

Пасмурный летний вечер опускался на город, как тяжелое, влажное одеяло. Небо, затянутое свинцовыми тучами, не пропускало ни единого луча солнца, и мир казался выцветшим, обескровленным, словно старая ткань, которую слишком долго вываривали в щелоке. Воздух был густым и неподвижным, пропитанным запахами прелой листвы, нагретой за день смолой и далеким, едва уловимым дыханием болота, что лежало за городскими стенами. Этот запах — смесь гниющих водорослей, торфа и стоячей воды — был здесь постоянным спутником жизни, к которому привыкали, как к собственному дыханию, но который в такие вечера казался особенно зловещим.

Лиза вышла из церкви последней. Она всегда выходила последней, чтобы никто не видел, как она смотрит на пустую скамью у входа — ту, где когда-то сидела ее мать. С тех пор прошло пять лет, но пустота оставалась. Она научилась прятать её за спокойным лицом и тихим голосом, но внутри, глубоко, в том месте, куда никто не заглядывал, зияла дыра, которую ничто не могло заполнить.

Двенадцать лет — возраст, когда девочка уже не ребенок, но еще не взрослая. Она была невысокого роста, худощавая, с острыми локтями и коленями, которые вечно оказывались не там, где надо. Ее волосы, мышиного цвета, были собраны в небрежный хвост на затылке, выбивающиеся пряди падали на лицо и лезли в глаза. Лицо её было бледным, с веснушками на переносице, и большими серыми глазами, в которых иногда мелькала та же отстраненная печаль, что и у Анны, той самой ясновидящей из «Дома Исцеления», к которой Лиза тайно бегала прошлой весной, когда у нее болело горло.

Она шла по главной улице, прижимая к груди молитвенник — старенький, с потертым кожаным переплетом, который достался ей от матери. Ее сапоги, разношенные и не по размеру, хлюпали по влажной земле, оставляя глубокие следы. Город погружался в сумерки. Из труб домов поднимался дым — ужин готовили, семьи собирались за столами. Где-то смеялся ребенок, где-то ругалась женщина, где-то скрипела телега, возвращавшаяся с полей. Обычные звуки обычной жизни.

Лиза любила эти звуки. Они напоминали ей, что мир продолжается, что есть место, где она не одна. Но сегодня что-то было не так.

Она остановилась на перекрестке и прислушалась. Тишина. Не та обычная тишина сумерек, когда звуки постепенно затихают, а странная, неестественная тишина, будто весь мир затаил дыхание. Не пели птицы. Не лаяли собаки. Даже ветер, который обычно шумел в кронах старых лип, стих, словно его кто-то задушил.

Лиза поежилась и пошла быстрее.

Она свернула за угол и увидела конюшню. Старое, добротное здание из почерневшего дерева, с широкими воротами, распахнутыми настежь. Оттуда доносился запах сена, лошади-

ного пота и теплого навоза — запах, который она любила с детства. Здесь, среди лошадей, она чувствовала себя в безопасности. Они не осуждали, не задавали вопросов, не смотрели с жалостью. Они просто были — большие, теплые, доверчивые создания, которые принимали ее такой, какая она есть.

Внутри было сумрачно. Свет проникал лишь через щели в стенах и приоткрытые ворота, окрашивая воздух в золотисто-пыльный цвет. В стойлах стояли лошади — тяжеловозы, которые таскали телеги, и пара верховых лошадей для местного старосты. Они жевали сено, постукивали копытами, иногда вздыхали.

Но ее взгляд был прикован к одному стойлу — самому дальнему, самому темному.

— Норд, — позвала она тихо, и голос ее дрогнул от волнения.

Норд был ее любимцем. Молодой жеребец вороной масти, которого отец привел с ярмарки два года назад. Он был диким, норовистым, никому не давался в руки, кроме Лизы. Она проводила с ним часы, разговаривала, причесывала его гриву, приносила лакомства — кусочки яблок и моркови, которые тайком таскала из кухни.

Конь всхрапнул в ответ, но в этом всхрапе Лизе почудилось нечто странное. Не приветствие, а предупреждение.

Она подошла ближе, заглянула в стойло. Норд стоял в дальнем углу, прижавшись к стене, его уши были прижаты к голове, глаза бешено вращались, обнажая белки. Из ноздрей валил пар, а по спине пробегала дрожь, словно он стоял не в теплой конюшне, а на ледяном ветру.

— Нордик, что с тобой? — прошептала она, протягивая руку.

Конь отшатнулся так резко, что ударился крупом о стену. Из его горла вырвался низкий, гортанный рык — звук, который не должен был издавать ни один конь. Это был звук страха. Не того страха, который чувствует животное перед хищником, а чего-то более древнего, более темного.

Лиза отдернула руку. Сердце ее бешено заколотилось.

— Это я, Лиза, — сказала она, пытаясь улыбнуться. — Я не сделаю тебе больно. Я принесла тебе яблоко.

Она достала из кармана плаща маленькое, сморщенное яблоко, которое приберегла для него. Протянула на раскрытой ладони.

Норд вздрогнул, сделал шаг вперед, но остановился. Его ноздри раздувались, он втягивал воздух, словно пытаясь понять, кто перед ним. Затем он подошел ближе, ткнулся носом в ее ладонь, взял яблоко. Но даже когда он жевал, его тело оставалось напряженным, а глаза — настороженными.

— Все хорошо, — прошептала Лиза, гладя его по морде. — Я здесь. Я никогда тебя не брошу.

Она провела рукой по его гриве, чувствуя под пальцами тепло и дрожь. Конь медленно успокаивался, но взгляд его оставался тревожным. Внезапно он поднял голову и уставился в темный угол стойла, туда, где висели сбруи и седла.

Лиза тоже посмотрела туда. Ничего.

— Тебе что-то показалось, — сказала она, хотя сама не верила в это. В ее голове билась мысль: он чувствует то же, что и я. Что-то не так. Что-то здесь, рядом.

Она обошла конюшню, заглянула в пустые стойла, проверила чердак. Никого. Только сено, пыль и тени. Но тени эти казались ей слишком густыми, слишком подвижными, словно они жили своей собственной жизнью.

Лиза вернулась к Норду и обняла его за шею. Конь вздрогнул, но не отстранился. Он прижался к ней, и на мгновение ей показалось, что он пытается защитить ее, спрятать от того, что скрывается в темноте.

— Все будет хорошо, — прошептала она, но голос ее дрожал. — Я вернусь завтра. Обещаю.

Она вышла из конюшни, и холодный воздух ударил в лицо. Небо потемнело еще больше, тучи нависали так низко, что казалось, их можно достать рукой. Где-то вдалеке хлопнула дверь, и этот звук показался ей выстрелом.

Лиза побежала домой, не оглядываясь. Она не слышала за спиной шагов, но чувствовала, что за ней наблюдают. Что кто-то стоит у стены, у забора, у окна. Кто-то невидимый. Кто-то, кто пришел из темноты.

Дом, где жила Лиза с отцом, стоял на окраине города, у самой кромки леса. Он был старым, с покосившимся крыльцом и провалившейся кое-где крышей, но внутри было тепло и уютно. Отец, Берт, бывший кузнец, а теперь конюх и сторож, с трудом, но поддерживал его в порядке.

Лиза вошла, сняла плащ и повесила его на крючок у двери. Из кухни доносился запах вареной каши и жареного лука. Стол был накрыт, стояли две тарелки, две кружки, лежали ложки.

— Папа, я пришла, — крикнула она, проходя в кухню.

Берт сидел за столом, склонившись над тарелкой. Он был мужчиной лет сорока, коренастый, с широкими плечами и руками, покрытыми шрамами от ожогов и порезов. Его лицо, обветренное и загорелое, было изрезано морщинами, а глаза, когда-то светлые и веселые, потускнели после смерти жены. Он выглядел уставшим, но попытался улыбнуться, когда дочь вошла.

— Ходила в церковь? — спросил он, поднимая голову.

— Ходила, — кивнула Лиза, садясь напротив. — Там было... странно.

— Странно? — Берт нахмурился. — Что значит странно?

Лиза пожала плечами, отводя взгляд. Ей не хотелось говорить о том, что она чувствовала. Отец и так слишком много переживал, не хватало еще тревожить его своими детскими страхами.

— Просто тихо было, — сказала она. — И темно. Сегодня такой странный день.

Берт внимательно посмотрел на нее, но промолчал. Он знал свою дочь, знал, когда она что-то скрывает, но не стал давить. Вместо этого он пододвинул к ней тарелку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.